

[*Προζα & Fiction*]

Susan Meissner

THE NATURE
OF FRAGILE
THINGS

A Novel

Сьюзан Мейсснер

П Р И Р О Д А

Х Р У П К И Х

В Е Щ Е Й

Роман

Перевод с английского
Ирины Новоселецкой

ИЗДАТЕЛЬСТВО
FOLIANT
Астана

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М410

Susan Meissner
THE NATURE OF FRAGILE THINGS
Copyright © 2021 by Susan Meissner

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form. This edition published by arrangement with Berkley, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

Мейсснер, Сьюзан

М410 Природа хрупких вещей : роман / Сьюзан Мейсснер ; [пер. с англ. И. Новоселецкой]. — Астана : Фолиант, 2022. — 392 с. — (Проза & Fiction).

ISBN 978-601-271-482-1

Софи Велан, молодая иммигрантка из Ирландии, любой ценой мечтающая вырваться из убогой квартиры в Нью-Йорке, откликается на брачное объявление в газете и соглашается выйти замуж за человека, о котором совсем ничего не знает. Ее жених — Мартин Хокинг, вдовец из Сан-Франциско, — потрясающе хорош собой, но он абсолютно равнодушен к Софи. Молодая женщина сразу же проникается симпатией к пятилетней дочери Мартина Кэт. Но та почти не разговаривает. Это и странное поведение Мартина внушают Софи чувство беспомощности, она начинает понимать, что в ее новой жизни что-то не так.

Однажды вечером в начале весны к ней домой приходит незнакомая женщина, и за этим визитом следует цепочка важных событий. Софи узнает о тщательно скрываемых связях Мартина с двумя другими женщинами.

Судьбы этих трех женщин переплетаются незадолго до разрушительного землетрясения, вынуждающего их пуститься в опасное путешествие, которое станет испытанием на прочность их стойкости, решимости и — в конечном итоге — веры в то, что любовь преодолевает страх.

«Природа хрупких вещей» — проникнутая эмоциями захватывающая книга популярной американской писательницы об узах дружбы, материнской любви и силе женской солидарности.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-601-271-482-1

© И. Новоселецкая, перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ТОО «Издательство «Фолиант», 2022

Посвящается Клэр

Несомненно, в этом сердце живет нечто нетленное,
а жизнь — это нечто большее, чем мечта.

Мэри Уолстонкрафт

Глава 1

ДОПРОС МИССИС СОФИ ХОКИНГ, ПРОВЕДЕННЫЙ СОТРУДНИКОМ МАРШАЛЬСКОЙ СЛУЖБЫ США АМБРОУЗОМ ЛОГАНОМ

ДЕЛО № 069308

Официальная расшифровка

Сан-Франциско (штат Калифорния)

6 ноября 1906 г.

ВОПРОС: Спасибо, что почтили нас своим присутствием. Пожалуйста, назовите имя и фамилию, возраст, дату и место рождения. Для протокола.

ОТВЕТ: Софи Велан Хокинг. Родилась 24 августа 1884 года в Донагади (графство Даун, Ирландия). Мне двадцать два года.

ВОПРОС: Велан — ваша девичья фамилия, верно?

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: Спасибо. Теперь, с вашего позволения, я задам несколько вопросов для протокола, поскольку мы с вами еще не имели возможности беседовать. Вы эми-

грировали из Ирландии в Соединенные Штаты Америки в 1903 году и первые два года пребывания в этой стране жили в Нью-Йорке, в районе Нижнего Манхэттена. Так?

ОТВЕТ: Около двух лет. Не первые два года целиком.

ВОПРОС: Значит, вам было девятнадцать лет, когда вы эмигрировали?

ОТВЕТ: Да. Так почему мы с вами не беседовали раньше? Прежний следователь куда-то уехал?

ВОПРОС: Нет, следователь Моррис по-прежнему ведет это дело. Я к расследованию подключился совсем недавно. Я — сотрудник Маршалльской службы США.

ОТВЕТ: Сэр, я не знаю, что это такое.

ВОПРОС: Маршалльская служба США — федеральная правоохранительная структура, а не местная.

ОТВЕТ: Вот как... значит, вы тоже следователь?

ВОПРОС: Да. Я расследую преступления по федеральному уголовному праву. Мы можем продолжить?

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: Вы подтверждаете, что 10 марта 1905 года зарегистрировали брак с Мартином Хокингом в здании суда здесь, в Сан-Франциско?

ОТВЕТ: Да. Да, подтверждаю. Вам стало что-то известно о моем муже? Поэтому вы меня вызвали?

ВОПРОС: Возможно. И опять-таки для протокола: об исчезновении своего супруга, Мартина Хокинга, вы заявили спустя полтора месяца после землетрясения, произошедшего 18 апреля сего года?

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: Объясните, пожалуйста, почему вы лишь через полтора месяца соизволили уведомить полицию о пропаже вашего мужа?

ОТВЕТ: По работе он часто бывает в разъездах. Поначалу я точно не знала, что он пропал.

ВОПРОС: Прежде вы утверждали, что вместе с падчерицей, Кэтрин Хокинг, покинули свой дом на Полк-стрит в считанные минуты после землетрясения. Правильно?

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: И ваш дом на Полк-стрит все еще стоял, когда вы его покидали?

ОТВЕТ: Он... внутри все побилось и обрушилось, дымоход обвалился, но дом, да, еще стоял.

ВОПРОС: А когда вы вернулись полтора месяца спустя, он тоже еще стоял?

ОТВЕТ: Я уже говорила полиции. Дом сгорел. Сгорели все дома на нашей улице. Все дома в нашем районе. Прошу прощения, сэр, разве вы не знаете, в каком состоянии город? Вы не смотрите по сторонам?

ВОПРОС: Миссис Хокинг, поверьте, я ни в коей мере не расположен иронизировать по поводу того, что вы потеряли дом. Я просто устанавливаю факты для протокола. Для моего протокола. Простите, что задаю вопросы, на которые вам уже приходилось отвечать. Но я должен их задать. Вы вернулись в ваш дом через полтора месяца после землетрясения и увидели, что он сгорел? От него ничего не осталось?

ОТВЕТ: Ничего, кроме пепелища.

ВОПРОС: И вы никак не могли знать, возвращался ли мистер Хокинг после землетрясения в дом до того, как он сгорел?

ОТВЕТ: Откуда? Меня ведь там не было.

ВОПРОС: Да, конечно. А теперь, с вашего позволения, давайте вернемся к тому дню, когда произошло землетрясение. По вашим словам, вы и Кэтрин нашли приют в лагере беженцев в парке «Золотые ворота», когда начался пожар. Так?

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: И на протяжении всех четырех дней, что вы провели в лагере для беженцев, от мужа вы вестей не получали, верно? Он к вам туда не приходил?

ОТВЕТ: Нет. Как я уже говорила, он уехал в командировку. По работе он вынужден много ездить.

ВОПРОС: Итак, давайте уточним: ваш муж уехал в командировку до землетрясения и с тех пор не давал о себе знать?

ОТВЕТ: Нет. У вас появилась новая информация о том, где он может быть? По-моему, я имею право знать.

ВОПРОС: Да, у меня появилась кое-какая информация. Но, боюсь, эти новые данные не согласуются с тем, что нам уже известно. Поэтому мне необходимо пересмотреть некоторые сведения о его исчезновении, которые вы сообщили следствию на начальном этапе, и проверить, соответствует ли то, что я недавно выяснил, с ранее представленными фактами. Мы можем продолжить?

ОТВЕТ: Разумеется, если это поможет вам найти моего мужа.

ВОПРОС: Спасибо. Теперь для протокола скажите: вы сочетались браком с Мартином Хокингом в тот же день, как познакомились с ним, верно?

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: Позвольте узнать почему?

ОТВЕТ: Что «почему»?

ВОПРОС: Почему вы вышли замуж за мистера Хокинга в тот же день, как познакомились с ним?

ОТВЕТ: Разве законом запрещено вступать в брак с человеком, с которым ты только что познакомился?

ВОПРОС: Нет, не запрещено. Мне просто любопытно.

ОТВЕТ: Я вышла замуж за Мартина потому, что он сделал мне предложение.

ВОПРОС: Вы откликнулись на его объявление в «Нью-Йорк таймс»? О том, что он вдовец и ищет женщину,

которая стала бы ему женой и матерью его маленькому ребенку. Я правильно излагаю?

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: И вы из Нью-Йорка приехали в Сан-Франциско, чтобы выйти замуж за мистера Хокинга, хотя знакомы с ним не были?

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: Почему?

ОТВЕТ: Что «почему»?

ВОПРОС: Миссис Хокинг, вы отказываетесь объяснить, почему вы вышли замуж за человека, с которым только что познакомились?

ОТВЕТ: Я не отказываюсь, сэ. Я вышла за него замуж, потому что таково было мое желание.

Глава 2

Март 1905 г.

Я стою на пароме у поручней, смотрю на горизонт Сан-Франциско. Солнце растворяется, как чары. День завершится на ликующей ноте. *Ликование*. Это слово утром я нашла в папином словарики и с тех пор, как позавтракала, все ищу ему применение. *Ликование*, написал отец, это выражение счастья — чувства, возникающего у человека, когда он наконец обрел все, о чем всегда мечтал. Мне нравится, как это слово перекачивается на языке, когда я его произношу. Я хочу верить, что нынешний день принесет радость. Рассчитываю на это.

Мало кто из пассажиров парома находится на палубе, наблюдая, как золотистое солнце ужимается до тоненькой полоски, окаймляющей небо с западной стороны. Большинство сидит под крышей, прячется от ветра. Но я, шесть долгих дней проведя в поезде, теперь не желаю торчать в замкнутом пространстве.

Я закрываю глаза и, вдыхая пьянящий аромат океана, будто во сне, переносюсь в Донагади, в домик бабушки на высоком берегу, у которого плещется аспидно-серое

Ирландское море. В моем воображении он такой же, каким был в моем детстве, когда жизнь казалась простой и безыскусной. Я представляю бабушку: она на кухне, наливает мне сладкий чай, а морской бриз теребит тюлевые занавески, которые она перешила из своего свадебного платья через два дня после того, как сочеталась браком с моим дедушкой-англиканцем. На кухонном столе блюдо с узором из маргариток, на нем — красиво уложенное песочное печенье, еще теплое, только-только из печки. Она тихо напевает старинную ирландскую мелодию...

Нет, нет и еще раз нет.

Я уже сто раз все обдумала-передумала. На что готова пойти, лишь бы повернуть время вспять и опять оказаться в бабушкиной кухне. Чем готова пожертвовать. Что готова отдать.

Открываю глаза и снова вижу приближающиеся доки Сан-Франциско.

Теперь-то какой смысл оглядываться назад?

Отхожу от ограждения под сень навеса, поправляю растрепавшиеся волосы. Не хочу выглядеть как сорванец, когда сойду с парома. Не сегодня.

Смотрю на свою юбку, проверяю, сильно ли она изжевана. В сумеречном свете угасающего дня неопрятные складки не очень заметны. Из Нью-Йорка в Калифорнию я путешествовала в вагоне второго класса, а не в отдельном купе, отсюда и примятости. Впрочем, это было ожидаемо: Мартин Хокинг написал, что у него прочное финансовое положение, но он не богат. То, что у него есть деньги, само по себе чудо. Я согласилась бы поехать к нему и в багажном вагоне, лишь бы сбегать куда подальше от фабрики по производству зонтов, съемного угла в трущобах и особенно от таких же, как я, молодых ирландок, которые слишком часто напоминали мне о том, что я оставила на родине.

Хорошо, что мама не видит меня сейчас, а то как пить дать посадила бы на первый поезд назад до Нью-Йорка. Правда, мама не знает, сколь тяжело мне там жилось. Я не хотела ее волновать, потому ей неизвестно, что комната, которую я снимала вместе с четырьмя другими девушками, по площади не превосходила кухонный чулан, а источником воды для питья, купания и стирки служил водопроводный кран на задворках — один-единственный на все здание. Ей неизвестно, что все опорожняло свои ночные горшки прямо из окон, ведь туалетов в доме не было, — несмотря на предписание городских властей, — и там висел такой смрад, хоть топор вешай. То съемное жилище не имело ничего общего с домом, куда спешишь по окончании трудового дня. Просто комната с просевшими комковатыми матрасами, в которой ютились несколько человек. Вонючая дыра, где мечты о лучшей жизни умирают быстрее, чем рвется ветхая одежда, и где такие же, как я, девушки из Белфаста, Армы, Дерри и других ирландских городов коротали ночь.

— Я росла в Чикаго, — рассказывала сидевшая напротив меня попутчица несколько часов назад, когда наш поезд с пытением мчался по невадской пустыне. — И с нами по соседству жила одна женщина из Ирландии. В Америку она приехала девчонкой в ту ужасную пору, когда в Ирландии земля не давала урожай и нечего было есть. Это было давно. Я сама тогда еще не родилась, ну а уж вы тем более. Она говорила, что было страшное время. Голодная смерть косила целые семьи. — Женщина с жалостью покачала головой.

На моей родине не найдется ни одного человека, который не слышал бы про те долгие годы беспросветной нужды. В графстве Даун тот период ирландской истории получил название Великий голод — *An Gorta Mór* на гэль-

ском языке, на котором до самой своей смерти изъяснялась бабушка. «Великий», потому что его вспоминают даже не столько из-за нехватки продуктов питания, сколько потому, как чувствовали себя люди в те годы. Ими владело безысходное отчаяние. Они были истощены донельзя, сатанели от недоедания.

— Да, мне рассказывали про то страшное время, — ответила я.

Женщина полюбопытствовала, иммигрировала ли я в Америку со всей своей семьей.

Я подумала о своем брате Мейсоне. Он первым отправился за океан, помог мне здесь устроиться. Теперь он живет где-то в Канаде, с женщиной, в которую влюбился.

— Нет. Я одна.

— Одна? — изумилась моя попутчица. — Очень храбрый поступок. Вы ведь еще такая молоденькая!

Я улыбнулась: в иные дни мне казалось, будто я уже прожила несколько жизней, а в иные — будто и не жила вовсе, еще только жду, когда начнется моя жизнь. Или возобновится.

— Мне двадцать лет, — ответила я. — Почти двадцать один.

— У вас красивые скулы. И чудесные черные волосы, — продолжала женщина. — Я и не знала, что ирландцы бывают темноволосые. Думала, они все рыжие или белокурые.

А потом она поинтересовалась, что заставило меня отправиться из Нью-Йорка в Сан-Франциско.

Причин было много. Я назвала самую понятную:

— Замуж выхожу.

Моя попутчица меня поздравила и спросила, как зовут моего будущего мужа. А я вдруг осознала: мне страсть как хочется услышать подтверждение, что я предпринимаю вполне разумный, логичный шаг, учитывая, сколь суров и непредсказуем нынешний мир.

— Мистер Мартин Хокинг. Хотите взглянуть на его фото?

Женщина кивнула с улыбкой.

Я достала из сумочки фотографию Мартина, которую он прислал мне по почте. На нем костюм-тройка в тонкую полоску; волнистые волосы напомажены; аккуратно подстриженные усы частично прикрывают губы. Немигающий взгляд лучится обаянием, в котором я тонула всякий раз, когда брала снимок в руки. Фотографию я получила менее двух недель назад, но знала каждую черточку.

— Красавчик, ничего не скажешь! — воскликнула женщина. — А глаза какие поразительные. Будто смотрят прямо в душу.

— Он... он вдовец, недавно переселился в Сан-Франциско из Лос-Анджелеса. У него маленькая дочка, Кэтрин. Он зовет ее Кэт. Ей еще только пять лет. Мать девочки умерла от чахотки, так что ей несладко приходится.

— Надо же, какое горе! А вы такая умница, берете на себя роль одновременно матери и жены. — Женщина ласково накрыла мою руку своей ладонью, выражая изумление, сочувствие и, может быть, даже восхищение. А потом, пожелав мне всяческого счастья, встала и пошла искать проводника, чтобы попросить у него чашку чая.

Мне хотелось, чтобы моя попутчица поинтересовалась, как я познакомилась с Мартином, и затем оценить ее реакцию на мой ответ. Но та, вернувшись с чаем, больше ни о чем спрашивать не стала. Пока она ходила к проводнику, я думала, какое объяснение ей дам. Теперь, по приближении к пристани, я вновь вытащила из сумочки фото Мартина и напомнила себе свой придуманный ответ.

«Я еще с ним не знакома, — сказала бы я той женщине. — Я откликнулась на его объявление в газете. Он написал, что ищет для себя жену и мать — для его ма-

ленькой дочери. Он не хочет, чтобы это была женщина из Сан-Франциско. Предпочитает, чтобы это был кто-то с востока, откуда он сам родом. Кто-то, кто не ждет от него ухаживаний. Кто-то, кто готов без всякой помпы занять место его покойной супруги. Я написала ему, что вполне обойдусь без ухаживаний. Меня устраивает то, что он предлагает, — хороший, уютный дом, мужчина, о котором я буду заботиться, ребенок, нуждающийся в любви».

Женщина наверняка вытаращила бы глаза, возможно, спросила бы:

«Но... а что, если брак с ним не принесет вам счастья? Что, если он будет плохо относиться к вам?»

И я ответила бы, что перед отъездом очень много размышляла об этом в своем съемном жилище, где по коридорам бегают крысы, орут маленькие дети, мужчины свои печали заливают спиртным, а женщины завывают, сетуя на горькую долю. Размышляла под грохот, доносившийся из комнаты этажом выше, где вечно дралась жившая там парочка. Размышляла под грохот, доносившийся из комнаты этажом ниже, где другая парочка постоянно предавалась любовным утехам. Размышляла, пока у меня сводило живот от голода и зуб на зуб не попадал от сырости и холода.

«Хуже этого ничего быть не может, — сказала бы я. — И потом, разве он похож на человека, который станет измываться над другими?»

Я смотрю на фотопортрет Мартина. По мне, так внешне он — само совершенство.

Попыталась бы моя попутчица отговорить меня от этого замужества? Может, да. Может, нет. Половина моих соседок по комнате считали, что я рехнулась; остальные завидовали, сожалели, что не наткнулись на объявление Мартина прежде меня. Мама не знает, что я намерена

сделать, когда сойду с парома, и я уведомяю ее уже после того, как брак будет зарегистрирован.

Даже когда я ей наконец-то расскажу про жуткие трущобы, где мне приходилось влачить жалкое существование, мама все равно спросит, как я могла решиться выйти замуж за первого встречного. Не такую цель я перед собой ставила, уезжая из Ирландии в Америку. Не о том она мечтала для меня, помогая укладывать вещи в мой единственный саквояж. Я подготовила ответ и на этот вопрос. И уже начала писать письмо, которое отправлю маме.

«Я хочу иметь свой дом, — изложила я главную причину в общих чертах на тот случай, если мое письмо прочтет кто-то еще, — например, один из двух моих старших братьев, которые по-прежнему живут в Ирландии, — чтобы они тоже это поняли. — Я хочу иметь то, что у меня было в детстве. Теплое жилище, чистая одежда, продукты в кладовой. Я хочу петь колыбельные, чинить порванные детские штанишки, варить варенье, печь пирожки, готовить горячее какао, как это делала ты. И хочу, чтобы мне было для кого стараться. Просто хочу иметь то, что некогда было у тебя».

«Но как же любовь?» — не преминет спросить мама, ведь сама она до сих пор любит папу. Он уже много лет как в могиле, а она ведет себя так, будто по-прежнему является его женой.

Как же любовь?

А что любовь?

Паром сбавляет ход, причаливая к пристани, где его уже ждут береговые матросы, готовые пришвартовать судно. За паромным вокзалом простирается город с взмывающими ввысь башнями и многоэтажными сооружениями — ни дать ни взять кусочек Манхэттена. Солнце начинает опускаться за здания, обрамляя их своим розовым

сиянием. У меня за спиной пассажиры покидают салон и спускаются на нижнюю палубу, выстраиваясь в очередь, чтобы сойти на берег.

Я убираю фото Мартина в сумочку и поправляю на себе шляпку, которую много лет назад носила мама. Красивейший синий бархат, из которого она пошита, и атласная отделка не до конца утратили свой изначальный блеск. Шляпка не совсем модная, но прекрасно гармонирует с моей сизой блузкой — единственной приличной, что у меня есть. Мартину я написала, что буду в ней. Я беру за ручку саквояж, стоящий у моих ног.

Каждый мой шаг к сходящим, что ведут на пристань, уносит меня все дальше от той женщины, какая я есть, и приближает к той, какой я собираюсь стать. Я схожу с парома и вливаюсь в толпу, движущуюся к зданию вокзала. Ищу глазами Мартина Хокинга. Стоит ли он перед вокзалом, высматривая меня в потоке пассажиров? А дочка его с ним? Кэт в красивом розовом платье встречает свою новую маму?

Я не вижу его в море лиц, ожидающих прибытия пассажиров. Возможно, он ждет в зале.

На город опускается пелена сгущающихся сумерек. Вокруг здания вокзала с шипением вспыхивают электрические фонари. Толпа редет.

И тут наконец я замечаю его. Мартин Хокинг стоит чуть в стороне от входа в луже янтарного света, отбрасываемого фонарем, что висит над ним. Взгляд его направлен поверх меня и чуть правее от того места, где я нахожусь. Даже с расстояния нескольких десятков футов мне удастся разглядеть, что он столь же великолепен, как и на фотопортрете. Не просто красив — прекрасен. На нем костюм кофейного цвета и начищенные до блеска черные туфли. Волосы, золотисто-каштановые, как поджаренный

тост, идеально уложены. Он высок — наверное, никак не меньше шести футов ростом¹. Не чрезмерно мускулист, но видно, что в его руках и туловище заключена сила. Статный, как король, как греческий бог.

А глаза...

Моя попутчица была права. Глаза Мартина Хокинга пронизывают насквозь, словно он смотрит в душу.

Кажется, время останавливается. Меня снова донимают навязчивые вопросы, от которых я отмахивалась последние дни. Зачем кому-то выписывать по почте невесту вроде меня? Этот мужчина, с его-то внешностью, мог бы завоевать сердце любой красавицы Сан-Франциско. Он написал мне, что стремится обзавестись новой женой из практических соображений: ему нужна мать для его дочери и необходимо, чтобы его воспринимали как успешного бизнесмена, а не как жалкого вдовца, отца-одиночку. Условности имеют большое значение, если ты работаешь в страховой компании и общаешься с богатыми клиентами. И все же зачем приглашать кого-то с востока, тем более незнакомую женщину? Зачем останавливать свой выбор на такой бескультуршине, как я? И почему он отказывает себе в романтических отношениях? Я-то знаю, почему сама не намерена дожидаться любви. Но он-то!

Разве что он сильно горюет по своей первой жене и даже в мыслях не допускает, что сможет когда-либо полюбить другую женщину. Разве что ему просто нужна компаньонка, которая бы обеспечивала ему горячее питание и следила за порядком в доме, но никак не романтические отношения. Не любовь.

Возможно, Мартину Хокингу нужна именно такая Золушка, как я, — женщина, не имеющая родных, незнат-

---

¹ 6 футов составляют 182,88 см. — Здесь и далее примечания переводчика.

ного происхождения, без особых запросов. В конце концов, с чем я вступаю в этот союз? Что я могу предложить, кроме своей готовности? Кроме опустошенности? Кроме *gorta mór* — «великого голода», неутолимой жажды иметь то, что уже есть у Мартина, то, что от меня ускользало: надежный кров, ребенок, нуждающийся в моей любви, пища, одежда и постель, от которой не смердит нищетой.

Если это так, значит, ему я подхожу идеально.

А потом он обращает лицо в мою сторону. Наши взгляды встречаются. Сжатые губы Мартина чуть изгибаются в радостной приветливой улыбке, словно он и впрямь прочитал мои мысли.

Да, сообщает эта полуулыбка. Ты именно та, кто мне нужен.

Я делаю шаг навстречу.